

Семь дней спустя долгожданный турнир наконец начался. Действо проходило в болотистой низменности к западу от города. В прошлом, когда в Фаньинь Гу еще было четыре сезона, здешний холм был покрыт сливовыми деревьями, поэтому болото называлось Сливовой долиной. Но за последние два столетия снег и лед уничтожили половину из них, и королевский дворец в конечном итоге полностью превратил эту территорию в спортивную площадку.

Фэн Цзю оживленно разговаривала со своими соучениками с того момента, как вышла на арену. Поскольку десять дней назад Дицзюнь сфабриковал для нее случай пневмонии, чтобы она могла не ходить в школу, ее соученики в восхищении окружили ее, чтобы поболтать, видя, что она храбро соревнуется, хотя только-только встала с больничного ложа. Фэн Цзю воспользовалась случаем, чтобы оглядеть арену. Конечно же, на ее глаза тут же попались снежные колья. Это было то же самое образование, которое показал ей Мэн Шао. Острые колья пугающе блестели под утренним солнцем. Но после десяти дней тренировок с Дун Хуа она больше не обращала внимания на эти колья; она смотрела на них так, словно наблюдала за плывущими облаками. Что касается Мэн Шао, после того, как Дун Хуа освободил ее из силового поля вчера, Фэн Цзю навела о нём справки и узнала, что он больше не проявлял признаков безрассудства. Он, наверное, все хорошенько обдумал. Раз он перестал себя накручивать, она могла быть спокойна.

Фэн Цзю прошла по стадиону, построенному из сосны и кипарисового дерева, обогнув сцену. Скамейки уже были заполнены зрителями. Турнир проводился только раз в десять лет, поэтому всегда привлекал людское внимание. Народу всегда собиралось много, но стадион был достаточно просторным, чтобы могли разместиться все желающие. Только в этом году стадион был так переполнен, что он грозил рухнуть под весом толкающейся толпы из-за известия, что Владыка также будет присутствовать. Хотя Дун Хуа часто приезжал в долину Фаньинь читать лекции, его можно было увидеть либо в зале для занятий, либо в выбранном месте для лекции. Простолюдины никогда не имели возможности встретиться с великолепным Владыкой.

Не рассчитывая когда-нибудь на встречу с высочайшим божеством, столица на мгновение впала в неистовство через три дня после того, как новость о посещении Дицзюня достигла цели. Все в клане - от дворян до простолюдинов - раскладывали циновки, чтобы сохранить свое место в очереди. Сливовая долина, которая была пустынной в течение 200 лет, в одночасье превратилась в ведро воды, поставленное над кипящим маслом.

Королева Бийня заняла свое место в верхней части сцены, но самое высокое место все еще было пустым и вероятно предназначалось для Дун Хуа. Королева наверху и ее придворные внизу напустили на себя одинаково благоговейное выражение, и не могли сдержать волнения от скорой встречи с Дицзюнем. Кто бы мог подумать, что на этом турнире им выпадет шанс выпить и поговорить о фехтовании с самим Владыкой.

Зная характер Дун Хуа, Фэн Цзю была уверена, что он не придет вовремя на подобного рода соревнование. Он либо придет раньше, либо опоздает. Сегодня он, вероятно, опоздает, но насколько, она знать не могла. Утром, собираясь уходить, она подумала, не стоит ли заглянуть к нему в комнату и напомнить. Сделав несколько шагов, она передумала. Последние несколько дней ее отношения с Дун Хуа были довольно теплыми.

Кстати, о том дне, когда Дун Хуа заботился о ней... Вернувшись из Цзуйлисяня, Фэн Цзю ломала голову и так, и этак, гадая, могло ли всё быть по-настоящему. Владыка Дун Хуа возможно, использовал магию, чтобы стереть все следы, прежде чем покинуть ее комнату. Отсутствие следов не обязательно означало, что ей это привиделось. По какой-то причине она почувствовала себя счастливой от этой мысли, и недолго думая, решила, что должна как следует отблагодарить его. Она могла бы приготовить что-то особенное на завтрак, таким

образом выказав благодарность. Пока ее руки проворно готовили роскошный завтрак, Фэн Цзю пару раз зевнула и даже принялась что-то напевать себе под нос. Однако сегодня утром Дицзюнь сделал редкое исключение, отказавшись от завтрака. Все еще чувствуя себя хорошо, несмотря на небольшое разочарование, она принесла еду в его комнату. К сожалению, в комнате тоже было тихо, и Дун Хуа не было видно. Пришло время для тренировки, и она вышла на задний двор с мечом Таочжу. Дун Хуа рассеянно сидел под цветущим абрикосовым деревом с книгой в руке.

Фэн Цзю подошла ближе и позвала его по имени. Дун Хуа поднял голову и посмотрел на нее. Его глаза были такими же безмятежными, как спящие вдали горы. Она стояла, ошеломленно глядя на него.

Если то, что произошло прошлой ночью, было правдой, глаза Дицзюня должны были смотреть на нее с некоторой мягкостью, или он должен был, по крайней мере, спросить о ее ранах. Поняв, что ей приснился нелепый сон, улыбка мало-помалу исчезла с лица Фэн Цзю. То, что произошло прошлой ночью, было лишь игрой ее воображения, на самом деле ничего не произошло. Говорят, о чем вы думаете в течение дня, может присниться вам и ночью. Если она увидит этот сон еще раз, значит ли это, что она всегда думает о Дун Хуа, и, в конце концов, это вошло у нее в привычку?

Совершенно разочарованная, но неуверенная в себе или в чем-то еще, Фэн Цзю опустила голову и пошла на тренировочную площадку. Внезапно она услышала голос Дун Хуа: «Зачем тебе этот фрукт Саха?» Расстроенная, она не стала оборачиваться и небрежно ответила ему: «Наверное, я хотела добыть его, потому что никогда не пробовала». Дицзюнь на некоторое время замолчал. Кажется, ее ответ его озадачил.

- Ты будешь использовать его для выпечки?

Фэн Цзю не знала, что ему ответить. Плод Саха использовался для оживления мертвых. Она раньше не задумывалась, не пострадает ли его сила, если она сделает из него пирожные.

- Возможно.

Тогда Дицзюнь задал еще один странный вопрос: «Янь Чиу не прочь попробовать выпечку с плодом Саха?» Фэн Цзю была сбита с толку.

- Сяо Янь?

Кажется, Янь Чиу как-то сказал ей, если они добудут плод Саха, она должна сделать печенье и разделить его на две части. Она смущенно посмотрела в бездонные глаза Дун Хуа и продолжила неопределенно отвечать ему: «Наверное. Но он не ест те, что с бобами мунг или красными бобами, приправленными имбирем». Затем она пробормотала едва слышно: «Он слишком привередлив в еде». Внезапно налетел порыв холодного ветра, перевернув страницы книги, которую Дицзюнь только что положил на мраморный стол. Он нахмурился, положив на нее руку. Фэн Цзю не знала, удовлетворен ли он ее ответом, но больше он ничего не сказал.

Следующие несколько дней Владыка Дун Хуа казался все более и более странным. У него был такой вид, словно он что-то задумал. Фэн Цзю сначала не поняла причину, но потом, после нескольких дней раздумий, до нее наконец дошло. Она забыла, что Дицзюнь поменялся местами с Сяо Янем и переехал в Дом Шторма, чтобы вызвать у Цзи Хэн ревность. Но Цзи Хэн не повелась на эту уловку, поэтому он задержался дольше. Она на пальцах посчитала дни, и - надо же - прошло уже четыре или пять дней с тех пор, как он в последний раз видел принцессу. Владыка должно быть скучал по ней. Тем не менее, в его плане с самого начала

были огрехи. Он использовал силовое поле, чтобы запечатать Дом Шторма, а у Цзи Хэн был недостаточный уровень культивации, чтобы пройти сквозь него. Но если он уберет силовое поле сейчас, то потеряет лицо. Вероятно, именно это и беспокоило Дицзюня. Вот почему он был сам не свой в последние дни.

В ту ночь, когда Фэн Цзю все поняла и пошла убеждать Дун Хуа убрать силовое поле, она решила, что Дицзюнь не хотел бы, чтобы мир знал о его чувствах, и предпочел бы сохранить свои отношения с принцессой Цзи Хэн в секрете.

- Владыка, давайте избавимся от этого силового поля, чтобы наши друзья могли иногда навещать нас. Это облегчит наше беспокойство, а также беспокойство наших друзей. Идеальный план, тебе не кажется?

Дицзюнь внял ее предложению и в ту же самую ночь нарисовал другое силовое поле над старым. Теперь Дом Шторма был заключен в еще более плотный чехол. Не только Сяо Яню, даже десяти Сяо Яням придется убить кучу времени, чтобы сделать вмятину в этом щите. После этого Дун Хуа стал еще более молчаливым. Фэн Цзю недоумевала, почему вдруг началась эта холодная война.

Сегодня было беснежно, а по ясному голубому небу плыли небольшие облачка - это был мягкий безветренный день. Все конкурсанты разбились на пары, ожидая прибытия Дун Хуа Дицзюня, чтобы начать. Согласно правилам турнира, победители первого раунда должны будут сразиться в следующем. Оставшиеся три человека боролись за первое, второе и третье место.

Соперником Фэн Цзю в первом раунде оказался щеголь, не знавший боевых искусств. Она знала, что справится с ним без труда. Было еще рано, и все принесли свои мечи, чтобы почистить их. Она также достала из рукава меч Таочжу и притворилась, что вытирает его. Она посмотрела в сторону сцены и увидела, что маленький колобок держится за перила. Он подпрыгивал и махал ей рукой, словно боялся, что она его не заметит. Позади него стоял принц Лянсун с приятной улыбкой на лице. Они стояли в толпе, подобравшись как можно ближе, чтобы ничего не пропустить. Фэн Цзю внимательно следила за шевелящимися губами А Ли и догадалась, что он говорит ей: «Сестрица Фэн Цзю, будь осторожна, чтобы не потревожить ребенка в своем животе. Если вдруг почувствуешь боль, ты должна немедленно остановиться и покинуть арену, понятно...?» Рука Фэн Цзю дернулась, меч Таочжу чуть не полетел прямо туда, где они стояли.

К концу часа Дракона [1] наконец прибыл Владыка Дун Хуа. Вопреки тому, что большинство присутствующих предвкушали его величественное появление на летящих облаках под раскаты удары грома, Дицзюнь просто вышел на арену пешком. Пройдя первые сто шагов, он спокойно поднялся по деревянным ступенькам на террасу.

Королева и ее чиновники, которые уже уселись, не могли себе представить, что Дун Хуа прибудет таким образом. По их мнению, прилетит ли Дун Хуа на облаках или попутным ветром, он все равно спустится сверху. В это время королева привела своих подданных, и они распростерлись ниц вдоль прохода, ведущего к самому высокому месту, чтобы приветствовать его... Готовился очень торжественный прием. Но в этот самый момент Дицзюнь все еще был внизу террасы, в то время как они были высоко - как неуважительно все это было. В ужасе королева велела своим подданным вернуться в первоначальную птичью форму и тайно полетела к задней части стадиона. Затем они снова превратились в людей, и, оказавшись позади Дун Хуа, одновременно проскандировали: «Ваши подданные приветствуют ваше прибытие, Владыка».

Дун Хуа Дицзюнь когда-то царствовал над вселенной. Конечно, он более чем заслужил, чтобы правители кланов подчинялись ему как своему сюзеру.

Зрители на трибунах смотрели на эту сцену широко раскрытыми глазами. Шумная арена мгновенно затихла. Лишь изредка под ногами Дун Хуа раздавался скрип деревянных досок. Владыка не остановился; чиновники всех рангов и мастей, внешне выглядящие спокойно, единодушно преклонили колени. «Мы приветствуем ваше прибытие, Владыка» - эхом разнеслось по стадиону. Дицзюнь продолжал безмятежно взбираться на террасу, направляясь прямо к самому высокому месту. После того, как он сел, он неторопливо махнул рукой, чтобы сказать: «Зачем вы стоите на коленях? Я немного опоздал, когда начнется турнир?» Королева, ее чиновники и подданные еще раз поклонились, прежде чем подняться. Фэн Цзю поднялась вместе со всеми; когда она посмотрела в сторону Дун Хуа, то увидела, что он также небрежно смотрит на нее. После небольшой паузы он также спокойно отвернулся.

Фэн Цзю была изумлена. Конечно, она прекрасно знала о достижениях и репутации Дун Хуа. Но когда она впервые встретила его, он пребывал в уединении. Его повседневная деятельность включала в себя изготовление благовоний, обжиг керамики, рыбалку и прочие увлечения, которые создавали впечатление доступности. Она не задумывалась о том, что когда-то он был полноправным Владыкой шести царств. Значит, вот она какая - аура властелина. Это был первый раз, когда Дун Хуа показался ей таким недостижимо далеким. К сожалению, это осознание пришло к ней только сейчас. Если бы она поняла это раньше, когда была молодой, то перестала бы гоняться за ним, и не испытала бы столько боли. В те дни она была достаточно смелой, чтобы думать об этом. Но, просто для сведения, было странно такому человеку, как Дицзюнь, питать мирские чувства и любить женщину. Она подняла взгляд на Цзи Хэн в своем чистом белом платье, которая оставалась рядом с ним, куда бы он ни шел. Более того, видеть, как он прилагает столько усилий только ради этой женщины, было еще более странно.

Громко стучали барабаны. Избранный королевой, чтобы руководить турниром, мастер Цзи Хань величественно взошел на высокий подиум, установленный рядом с ареной. От имени королевы он зачитал вступительную речь, прошелся по уставу, а затем с помощью двух слуг зажег благовоние. Теперь конкурс официально начался.

Раздался еще один оглушительный удар барабана. Соперники встали в два ряда со своими мечами, и вышли на арену под призывную дробь барабанов. Когда прозвучал сигнал, мечи тут же закружились на ветру, производя ослепительные вспышки клинков. Мгновение - и первые несчастные начали падать с кольев на заснеженную землю. Всего за два хода Фэн Цзю смогла заставить своего противника упасть со столба. С тех пор она могла только сидеть в стороне, чтобы наблюдать за оставшейся частью состязания. Хотя ее учитель отсеял большое количество претендентов, участников все равно было очень много. Из-за создавшейся толчеи в первом раунде многие достойные соперники были вынуждены потерпеть досадное поражение.

Ладан горел быстро. После того, как сгорела одна порция благовоний, на арене осталась только треть участников - двадцать шесть, если быть точным, по подсчетам ее учителя. Перерыв был не предусмотрен. Снова застучали барабаны, и начался второй раунд. Поскольку Фэн Цзю сидела в стороне и наблюдала за происходящим с полкруга назад, ее ноги слегка онемели, когда она встала. Но ее ум был ясен как никогда после отдыха, и в три хода ее противник был сбит. Поскольку на кольях толпилось меньше людей, фехтовать стало легче. Также это было хорошо и для зрителей на трибунах. Сейчас картина боя вырисовывалась четче, и время от времени на арене раздавались радостные возгласы.

Поскольку в клане Бийняо не было долгожителей, они и старели раньше. Соученикам Фэн Цзю было не больше ста лет. Даже если они обучались фехтованию с самого детства, они не могли

практиковаться больше века. С ее 20-тысячелетним опытом владения мечом они ей не конкуренты. Дун Хуа был прав. Ей нужно было лишь научиться ходить по кольям, и плод Саха, без сомнения, стал бы принадлежать ей.

Хотя последний раунд не был ограничен временем, ладан все еще горел на тот случай, если придется выбирать между тремя финалистами. Но в это время весь стадион с удивлением наблюдал, как двадцать пять человек уже лежали, распластавшись, как пельмени, на заснеженной земле под кольями, а ладан все еще горел. На вершине столба, обращенного к небу, как нефритово-белый бамбук, возвышался только один человек. Это была Фэн Цзю.

Боевая арена погрузилась в тишину. Затем раздался одобрителный рев. На протяжении многих лет редко можно было наблюдать такой односторонний результат. С мечом в руке Фэн Цзю вздохнула с облегчением. Она победила. Плод Саха принадлежал ей. В конце концов, эти десять дней пыток стоили того. Она слетела с обледенелого столба и отсалютовала своим распростертым на земле соученикам, поблагодарив их за то, что они так легко с ней обошлись. Она бросила взгляд на террасу, где Дун Хуа, откинувшись на спинку стула, небрежно смотрел на хаотичное поле битвы внизу. Выражение его лица было бесстрастным. Он помог ей одержать победу, но не бросил на нее ни малейшего ободряющего взгляда. Фэн Цзю была втайне разочарована, но восторг от получения плода Саха быстро взял верх над ее разочарованием. Маленький колобок и господин Ляньсун пробрались сквозь толпу, чтобы поздравить ее. Фэн Цзю сдержала свою радость и вежливо ответила, услышав, как учитель Цзи Хань объявил результаты на сцене.

Сквозь гулкий голос учителя Фэн Цзю услышала свое имя, услышала, что ее приз – корзина персиков, собранных лично Небесной Императрицей, вторым и третьим призом были волшебный меч и нефритовая бутылка с каким-то особым свойством соответственно. Она не слышала, чтобы ее учитель упоминал что-нибудь о фрукте Саха.

На холодном ветру Ляньсун взмахнул веером, когда его осенило: «Неудивительно, что Дун Хуа поспешил разыскать меня прошлой ночью, сказав, что нужно принести корзину персиков. Так вот для чего они были нужны». Затем он нахмурился.

- Странный всё-таки народ - Бийняо. Неужели они только накануне решили, каким будет главный приз?

Улыбнувшись, он продолжил: «Но это действительно самые лучшие персики. Обычно мне приходилось выпрашивать немного у матери. Когда их привезут в Дом Шторма, ты можешь устроить пир, чтобы мы все могли ими насладиться». Фэн Цзю без всякого выражения пошевелила губами: «Хорошо». Она посмотрела на сцену - все уже ушли. Малыш А Ли невинно спросил: «Тогда можно я возьму две штуки для родителей?» На что Ляньсун ответил: «Не думаю, что это правильно – съесть один самому и прихватить с собой еще больше».

Колобок на мгновение задумался и возразил: «А если представить, что это я съел все три?» Принц Ляньсун поднял свой веер, улыбаясь про себя. Фэн Цзю тоже заставила себя улыбнуться: «Меня не интересуют эти персики, я отдам тебе свою долю». Потом она повернулась и ушла. Сделав два шага, она неосторожно врезалась в снежный столб. Словно вспомнив о чем-то, она обернулась и сказала: «Когда принесут персики, Ваше Высочество или А Ли устроят пир и пригласят Мэн Шао, Сяо Яня и Цзелу насладиться ими?» Колобок дернул Ляньсуна за рукав: «Что случилось с сестрицей Фэн Цзю?» Принц Ляньсун медленно сложил веер: «Должно быть, возникла какая-то проблема».

Покидая Сливовую долину, она увидела огромное поле белого снега, на котором виднелись

следы, оставленные зрителями, ведущие обратно в имперский город. Фэн Цзю глубоко вздохнула, и холодный воздух просочился в легкие. Сяо Янь сказал, что лучше всего посещать Цзуйлисянь, когда человек в дурном настроении. Когда ты протрезвеешь, печаль не исчезнет, но, по крайней мере, на короткое время ты сможешь все забыть. Цзи Хэн в последнее время не особо жаловала Сяо Яня. Его слова были удручающими, но в них была доля правды.

Направляясь к городу, она порылась в рукавах и обнаружила, что в спешке забыла взять с собой деньги на выпивку. Фэн Цзю ошеломленно стояла посреди развилки, не зная, куда еще пойти, кроме Цзуйлисяня. Теперь все стало очевидно. Дун Хуа заменил плоды Саха корзиной персиков. Он должен был знать, как сильно она хотела получить этот плод, он видел усилия, которые она приложила для этого. Но на обратном пути она никак не могла взять в толк, зачем ему понадобилось менять приз. Возможно, ей следует самой пойти и спросить его. Если ему не очень нужен этот фрукт, возможно, ее мольбы подействуют, и он вернет его ей. Чувствуя горечь в этот момент, она было направилась к Дому Шторма, когда услышала мелодичный голос, зовущий ее сзади: «Принцесса Цзю'гэ, пожалуйста, подождите!»

Фэн Цзю повернула голову. Человеком, направлявшимся к ней, действительно была Цзи Хэн. В последний раз они встречались десять дней назад на роскошном пиру, устроенном Фэн Цзю. Она все еще смутно помнила, что настроение Цзи Хэн тогда было не очень хорошим, она казалась немного несчастной. Сегодня же, напротив, она выглядела веселой и энергичной, и было в ней некоторое сходство с той молодой женщиной, которая приехала во дворец Тайчэнь триста лет назад.

Фэн Цзю посмотрела мимо принцессы; глаза Цзи Хэн проследили за ее взглядом. Она слегка улыбнулась: «Учителя здесь нет. Он не знает, что я пошла к тебе. Я чувствую вину за то, что мне пришлось забрать то, чего желала ты, поэтому пришла извиниться».

Увидев озадаченное выражение лица Фэн Цзю, она продолжила: «Честно говоря, я тоже хотела получить плод Саха этого года с источника Цзею, поэтому вчера вечером я пришла попросить учителя об этом. Для меня он заменил приз на корзину персиков Небесной Императрицы. Когда я видела Янь Чиу минуту назад, он сказал мне, что ты участвовала в турнире только из-за этого плода Саха. Как бы я ни думала об этом, на этот раз я причинила тебе зло...»

Так вот что случилось, теперь Фэн Цзю всё стало ясно. Но почему Цзи Хэн специально пришла сказать ей об этом...?

Фэн Цзю спокойно наблюдала за Цзи Хэн. Несмотря на то, что Фэн Цзю не очень любила ее, насколько она помнила, Цзи Хэн не была плохим человеком. Но действительно ли она пришла сюда извиниться из чувства вины или просто ждала подходящего момента, чтобы сознательно смутить ее, Фэн Цзю пока не могла решить. Цзи Хэн всегда была добра к ней, но она знала, что принцесса тоже не очень любит ее.

Тем не менее, как она собиралась использовать плод Саха? Был ли он так же остро необходим ей? Если Цзи Хэн не нуждалась в нем слишком срочно, и если она искренне сожалела, тогда... Фэн Цзю подняла глаза и сказала: «Ты можешь дать мне половину плода Саха? Взамен я дам тебе все, что ты захочешь».

Цзи Хэн была ошеломлена на мгновение, как будто не могла поверить, что Фэн Цзю стояла там так долго лишь для того, чтобы предложить такую вещь.

- Принцесса Цзю'гэ, причина, по которой я пришла извиниться перед тобой, заключалась в том, что я не могу разделить с тобой этот плод Саха, даже наполовину.

Цзи Хэн всегда отличалась утонченными манерами. Как старшая принцесса клана демонов, каждое ее слово и действие соответствовало ее статусу. Она помнила, что Цзи Хэн всегда говорила сердечные нежные слова, и никогда не слышала от нее недобрых слов. Так вот как она выглядела, когда произносила недобрые слова.

В конце концов, она пришла не извиняться.

Цзи Хэн подошла ближе, тон ее голоса понизился, перестав быть мелодичным, и с большим спокойствием она процедила: «Кроме того, у меня самонадеянная просьба к Вашему Высочеству: с этого момента, пожалуйста, держитесь подальше от моего учителя».

Теперь Фэн Цзю поняла ситуацию. Вероятно, это и была реальная причина, почему Цзи Хэн пришла увидеть ее. Извинения были лишь предлогом, чтобы удержать ее. В последнее время она перестала обращать внимание на то, что говорят другие люди. К тому же она лишь недавно покинула арену после перенесенных эмоциональных потрясений. Чувствуя усталость, она отступила на шаг назад и сказала: «Боюсь, я не понимаю, почему ты сказала мне это. Если ты не поделишься фруктом Саха, нам больше не о чем говорить».

Цзи Хэн перестала улыбаться; в ее голосе не осталось и следа мягкости: «Я знала, что такие слова наверняка вызовут у тебя неудовольствие, но это для твоего же блага. За эти дни мой учитель стал смотреть на тебя по-другому. Твое сердце должно быть тронут?» Она снова посмотрела на Фэн Цзю и продолжила: «Я не знаю, как долго жил учитель. В своей бесконечной жизни он часто скучает в одиночестве. Он любит всё новое. Ты умна и красива, так что вполне естественно, что ты должна чувствовать его влечение к тебе. Но он просто видит в тебе нового товарища по играм. Если ты зайдёшь дальше, это принесет тебе только боль». Не давая Фэн Цзю шанса отреагировать, она опустила голову и добавила: «Ты, наверное, думаешь, что я говорю это потому, что сама люблю его». Она сделала паузу.

- Честно говоря, когда-то я была с ним помолвлена. Но в то время я была юной и глупой, и упустила замечательную возможность. За триста лет учитель ни разу не оставил меня. Он заставил меня понять, кому я должна доверить свое счастье. Твое появление заставило меня осознать собственные чувства. Его особое внимание к тебе действительно причиняет мне сильную боль. Вот почему я попросила у него плод Саха; я хотела знать, занимаю ли я место в его сердце. Я переживала, что из-за прошлого мне уже не выпадет второго шанса быть вместе с ним, но он не раздумывая, отдал плод Саха мне.

После минутного размышления Цзи Хэн закончила: «Я хочу всегда быть рядом с ним. Принцесса, пожалуйста, не вставайте между нами».

Долгое время после того, как Цзи Хэн ушла, Фэн Цзю не могла двинуться с места. Ветер на окраине города усилился, унося с собой даже солнечный свет. Небо потемнело. Что она сказала, когда Цзи Хэн уходила? Она могла бы вежливо сказать что-нибудь вроде: «Желаю вам и уважаемому Владыке счастливого конца на века». В то время как Цзи Хэн выражала свое горе искренними словами, лицо Фэн Цзю было совершенно бесстрастным, она даже не обратила внимания на то, как Цзи Хэн ответила ей. Возможно, Цзи Хэн также прятала эмоции, поскольку она вежливо сказала, что всегда знала принцессу Цзю'гэ как мудрого человека.

Она действительно была очень мудрым человеком. Чтобы получить плод Саха, она потратила столько усилий и перенесла столько невзгод, но в конечном счете проиграла нескольким словам, сказанным Цзи Хэн Дун Хуа. Она чувствовала себя обиженной, но что она могла поделать. В глубине души она понимала, что Цзи Хэн единственная, кого любит Дун Хуа. В последнее время у них возникали конфликты, которые они не могли разрешить. Используя

плод Саха, Дун Хуа надеялся, что сможет успокоить Цзи Хэн и таким образом помириться с ней. Его действия вовсе не были чрезмерными. Все еще заботясь о ней, Дун Хуа пошел к Небесной Императрице и попросил корзину персиков. По крайней мере, о ней он тоже подумал. У нее не было причин чувствовать себя обиженной.

Когда Сяо Янь сказал, что Дун Хуа обратил на нее внимание, потому что хотел быть ее другом, он переоценил ее. Цзи Хэн была права. Дун Хуа было скучно, и ему нужен был лишь новый товарищ по играм. Слова Цзи Хэн были откровенными, но она не погрешила против истины. Гордость Фэн Цзю была ущемлена; она хотела возразить, но не знала, что сказать. Все это, казалось, подтверждало мысль о том, что Дицзюнь использовал ее, чтобы спровоцировать Цзи Хэн. Если бы Владыка сейчас услышал слова Цзи Хэн, обращенные к ней, он был бы вне себя от радости. Это означало, что она свела их вместе, так что она была весьма полезна. Цзи Хэн сказала, что она хочет провести вечность с Дицзюнем, разве это не его желание? Если они помирятся, он больше не будет нуждаться в ней? Естественно, он покинет Дом Шторма и вернется к Цзи Хэн. Ему больше не нужно будет, чтобы она ему готовила. И ей больше не придется тащиться на тренировку на снежных колыях. Тогда это было действительно хорошо.

Она не знала, почему она еще больше опечалилась от этого знания. Поднялся холодный ветер, она прищурилась и подняла рукава, чтобы протереть глаза. Когда она снова открыла их, бесконечное снежное поле стало еще более туманным.

Какое-то время Фэн Цзю одиноко сидела на обочине дороги. Когда ее сердце успокоилось, она снова подумала о фрукте Саха. Она чувствовала, что все еще должна вернуться в Дом Шторма. Она приложила к этому слишком много усилий. Цзи Хэн не хотела делиться с ней, но это могло сработать, если бы она попросила Дун Хуа. Дун Хуа может подольститься к Цзи Хэн и с помощью других драгоценных сокровищ. Но для того, чтобы спасти Е Цинти, ей абсолютно необходим плод Саха. Даже если Дун Хуа относился к ней только как к другу на время, она проделала немалую работу. Если он согласится отдать ей плод Саха, она сможет и дальше быть его запасной подружкой, более того, она сделает все, что он захочет.

В какой-то момент она решила, что это слишком унижительно, но у нее не было другого выхода. Если слезы и мольбы не помогут, она схватит его за рукав и будет рыдать навзрыд. С другой стороны, Дун Хуа могут не волновать ее слезы. Кроме тех немногих людей, о которых он заботился, остальные ничего для него не значили. Как и тогда, когда он добровольно отдал плод Саха Цзи Хэн, он, несомненно, и думать забыл о ее искренности и усилиях. Она слишком хорошо знала эту его сторону.

Некоторое время спустя Фэн Цзю вытерла глаза и встала, чтобы вернуться к Дому Шторма. По дороге она споткнулась о камешек.

Ворота Дома Шторма были широко открыты. Стоя снаружи, она смотрела вниз на чистый ручей и поправляла одежду. Увидев свои покрасневшие глаза, она подобрала с берега немного снега и приложила к векам. Потом она закрыла глаза и некоторое время просто сидела на земле. Когда она снова посмотрела в воду, то не увидела больше никакой красноты. В последний раз убедившись, что все в порядке, она свернула во двор. Двор был необычайно тих; на поверхности пруда плавало несколько увядающих листьев лотоса. Обычно в это время Дун Хуа отдыхал в саду за домом или рыбачил у пруда. Она глубоко вздохнула, и когда направилась прямо в задний сад, из-за арочного дверного проема вальсирующим шагом вышел человек в синем одеянии. Сяо Янь отодвинул в сторону драпировку из зеленых лоз над дверью, и, увидев ее, удивился. У него не было возможности заговорить, когда она спросила: «Дицзюнь внутри?»

Владыки Дун Хуа внутри не было. Сяо Янь нахмурился и сказал ей скрипучим голосом: «Ты

опоздала всего на несколько секунд. Ледышка унес раненую лису с собой на Девять Небес для лечения. Кажется, он нашел умирающую лису на обратном пути из Сливовой долины. Он использовал свою собственную волшебную энергию, чтобы спасти ей жизнь, напоил ее эликсиром и вернул на Небеса. На мой взгляд, Ледышка не такой уж добряк. На него напал приступ сострадания, потому что он вспомнил про свою потерянную много лет назад лисичку». С горечью он продолжал: «Только этот маленький акт доброты тронул Цзи Хэн. Если бы не низкий уровень культивирования и ее неспособность покинуть долину Фаньинь, она бы давно ушла с ним». Теперь его лицо было полно печали: «Цзи Хэн пошла его проводить. Я не пошел с ней, потому что не хотел его видеть. Я ждал тебя здесь, чтобы пригласить выпить. Думаю, Ледышка может не вернуться еще три или четыре дня. У тебя к нему что-то срочное?» После недолгого раздумья он предположил: «Теперь, когда Ледышка закончил здесь свои дела... может быть, он не вернется?» Воин Сяо Янь болтал так много и долго, что Фэн Цзю не могла уловить всего. Она слышала только часть того, что он сказал.

- Ты сказал, что Дицзюнь не вернется по крайней мере несколько дней?

Три или четыре дня - это слишком долго. Она слышала от Мэн Шао королевскую традицию, касающуюся сбора плодов Саха. Священное дерево было возвращено Небесами. Подобно волшебной траве в Инчжоу у Восточного моря, защищенной охраняющими зверями, плод Саха охраняли четыре питона под каменными столбами. Сорвать плод может только королева; и прежде чем она сможет это сделать, она должна будет скормить питонам по капле своей крови, тогда они уснут. Только так она сможет приблизиться к дереву. Поэтому в ночь окончания состязания королева жертвует своей кровью, а затем ждет до второго часа ночи, прежде чем прийти и сорвать плод.

Завтра вечером, или самое большее послезавтра, плод Саха будет передан в руки Цзи Хэн.

Похоже, просить помощи у Дун Хуа теперь было невозможно.

Был ли другой способ? Она снова должна умолять Цзи Хэн? Фэн Цзю стало дурно от этой мысли. Она, должно быть, не в своем уме, раз думает о таком унижительном поступке. Если бы она попросила Дун Хуа, он мог бы сжалиться; в конце концов, он явно не испытывает к ней неприязни. Но если она будет умолять Цзи Хэн, как бы жалко она ни выглядела, принцессу сложно будет разжалобить. Она была занозой в глазах Цзи Хэн, та ясно дала это понять. Когда она была простой лисичкой, ее достоинство мало что значило. Но сейчас она была правительницей Восточных Земель, королевой Цинцю. Она не могла позволить, чтобы репутация Цинцю была запятнана. Такого рода вещи делать было нельзя. Но если подумать, был и другой способ. Она могла попытаться счастья, пробравшись к источнику Цзею до того, как сорвут плод Саха. Когда эта мысль мелькнула у нее в голове, она вдруг поняла: когда больше некуда идти, единственный оставшийся путь и есть верный.

---

[1] час Дракона - около 9 утра

<http://tl.rulate.ru/book/32932/737356>